

Joanna Orzechowska

Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski

**КОНЦЕПТЫ *МОСКВА* И *ПЕРИФЕРИЯ*
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТЕКТИВНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ)**

Key words: linguistic awareness, linguistic image of the world, concept, Moscow, the provinces

В работе «Образы Москвы в зеркале русского и иностранного языка» под понятием «зеркало» авторы понимают «языковой образ столицы..., и ее жителей, представленный в русском и иностранном языках [Березович, Кривошапова 2014, 159].

«Языковой образ, представленный в языке» соответствует понятию языковая картина мира. Языковая картина мира понимается как запечатленное в лексике данного языка национально-специфическое видение всего сущего, при этом видение состоит из логического осмысления, чувствования и оценивания, а в понятие сущего вкладывается не только реальный материальный мир, «но и все привносимое в него человеческим сознанием» [Корнилов 2003, 140]. Языковые картины мира отдельных национально-культурных общностей являются производными национальных менталитетов [Корнилов 2003, 141].

Сходное определение языковой картины мира как совокупности зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности приводят в своих трудах З.Д. Попова и И.А. Стернин. Языковая картина мира понимается авторами как непосредственная картина мира, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности, включающая как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности.

Данная картина мира выступает в виде совокупности упорядоченных знаний – концептосферы [Попова, Стернин 2003, 5]. В трактовке этих авторов, национальная картина мира представляет собой национальную концептосферу в совокупности с национальным менталитетом [Попова, Стернин 2003, 10-11]. В работах С.Г. Тер-Минасовой данный феномен имеет обозначение «культурная (понятийная, концептуальная)» картина мира [Тер-Минасова 2004, 54].

Значение, которое в лингвокультурологии приписывается языковой картине мира, в психолингвистике приписывается понятию языковое сознание. Термин этот обозначает вербализуемые лексическими средствами национального языка результаты ментальной деятельности. Языковое сознание представляет собой такой аспект изучения языкового материала, при котором язык и речевую деятельность рассматривают в качестве отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, неосознаваемых носителями языка.

Н.В. Уфимцева обращает внимание прежде всего на лексикализованное, т.е. обозначенное единицей лексикона, содержание сознания и изучает языковое сознание русских на материале лексических ассоциаций [Уфимцева 2002, 152-170]. Разработанные исследовательницей принципы анализа позволяют моделировать актуальное состояние языкового сознания этноса, т. е. языковую картину миру [Уфимцева 2002].

И в лингвокультурной теории картины мира, и в психолингвистической теории языкового сознания исследователи приходят к определению «единиц сознания», «квантов информации», т.е. к концептам. Концепты могут проявляться в речи различными способами: словом, словосочетанием, высказыванием. К концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений.

Каждый концепт группируется вокруг некой сильной (т.е. ценностно акцентуированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Четких границ концепт не имеет, по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций. Языковая или речевая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта.

Разное понимание концепта, языкового сознания и языковой картины мира требуют уточнения соотношений между ними. В нашей работе мы основываемся на положениях, разработанных группой волгоградских ученых в течение 1996-2001 годов [Карасик, Слышкин]:

– лингвокультурный концепт – это условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры;

- сознание – это область пребывания концепта (концепт лежит в сознании);
- культура детерминирует концепт (т.е. концепт – это ментальная проекция элементов культуры);
- язык и/или речь – это сферы, в которых концепт опредмечивается.

Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [см. подробнее: Карасик, 1996а, 1996б].

МОСКВА – это лингвокультурный концепт, характеризующийся определенными чертами в сознании жителей Москвы и жителей России, который опредмечивается в русском литературном языке, русских диалектах, иностранных (славянских и неславянских) языках [Березович, Кривошапова 2014, 159-160]. В работе Е.Л. Березович и Ю.А. Кривошаповой образ Москвы изучается, между прочим, в аспекте «географии». Авторами выделяются различные составляющие аспекты «географии» изучаемого образа: внутригородское пространство, роль Москвы в пространстве России и за ее пределами, путешествие в Москву, качественная характеристика пространства, климат, природный мир [Березович, Кривошапова 2014, 163].

Этот материал имеет исключительное значение для изучения концепта ПЕРИФЕРИЯ, так как пространственные связи, задаваемые Москвой, нередко воплощаются в оппозиции «центр, столица – периферия». Иллюстрацией этой связи, являются выражения *далеко от Москвы* 'о городах, поселках и т.п., удаленных от центра, о провинции' и *от Москвы до самых до окраин* 'о распространении, действии чего-либо на всей территории Советского Союза (России) [Березович, Кривошапова 2014, 166].

В настоящем исследовании, на основе текстов популярной литературы (прежде всего детективных романов) и данных Национального корпуса русского языка анализируется концепт ПЕРИФЕРИЯ, в его функционировании как антиценность и антиконцепт по отношению к концепту МОСКВА.

Сложность противопоставления единиц Москва – периферия объясняется неоднородностью референтов. Семантика имен концептов не образует антонимичных отношений. Согласно толковым словарям периферия – это 'часть чего-нибудь, удаленная от центра; 2. Местность, удаленная от центра [Ожегов 2016]. Поэтому в оппозиции Москва – периферия довольно ограниченному пространству (город Москва) противопоставляется обширная территория (почти вся Россия). Отсутствие прямых антонимичных связей подтверждают данные ассоциативного словаря.

Антонимы неоднократно появляются как реакции (ассоциации) на слова-стимулы, например: женщина – мужчина [РАС, Т. 1, 195], белый – черный [РАС, Т. 1, 51], нищета – богатство [РАС, Т. 1, 380]. Данные *Русского ассоциативного словаря* показывают, что слову-стимулу *Москва*

соответствует 105 слов-ответов, и на их основе можно восстановить образ Москвы в языковой картине мира. Но среди них нет ответа *периферия*, отсутствуют другие единицы, которые семантически образовали бы антонимическую оппозицию к слову *Москва*, и что за этим следует, антиценность к концепту МОСКВА [РАС, Т. 1, 331]. С другой стороны, единица *Москва* появляется как слово-ответ на стимулы *деревня* и *околица* [РАС, Т. 2, 437].

Хотя не отмечаем непосредственных парадигматических и прагматических антонимических связей концептов МОСКВА и ПЕРИФЕРИЯ, то в текстах популярной литературы их противопоставление выражено ярко и отчетливо.

При этом, слово *периферия* развивает сложную систему синонимических отношений, группируя вокруг имени концепта ПЕРИФЕРИЯ ряд ассоциативно-синонимических наименований.

Синонимами слова *периферия*, зафиксированными в словарях синонимов, являются: *провинция*, *глубинка* и *окраина* [СНС 2016]. В текстах популярной литературы сеть синонимов слова *периферия* значительно более развернута. При этом *периферия* подвергается конкретизации (номинация конкретной точки на карте России) и наделяется эмоционально-оценочной окраской:

- 1) *Урюпинск* – «Ну, допустим, некий Болеслав, позиционирующий себя в любимом чате в качестве тридцатипятилетнего продюсера, богатого человека, «зажигателя звезд», обладателя несметного количества загородных домов и парка новеньких «Бентли» вкупе с «Ламборджини», в суровой реальности оказывается пятнадцатилетним двоечником из города Урюпинска, покупающим возможность пользоваться компьютером в местном салоне интернет-услуг» [Донцова, Безумная шапка Мономаха¹];
- 2) *Кукуево* – «Хватит выбирать, в твоём Кукуево любая дрань хороша. В твоём Кукуево только и выпендриваться» [Донцова, Сволочь ненаглядная];
- 3) *Тмутаракань* – «То есть по провинции ездим, с концертами. Конечно, Глашка и в Москве поет, по клубам, только основные денежки с Тмутаракани капают» [Донцова, Камин для Снегурочки];
- 4) *Медвежий угол* – «Ну откуда зрителям в каком-нибудь медвежьем углу знать, как выглядят на самом деле артисты? Вот мошенники и добывают фонограмму и «концертируют», не слишком заботясь о шоу» [Донцова, Камин для Снегурочки];
- 5) *У Муньки за шиворотом* – «Ты жила себе спокойно хрен знает где, у Муньки за шиворотом, потом приехала в Первопрестольную, устроилась трамвай водить» [Донцова, Камин для Снегурочки];

¹ Все примеры приведены из произведений, помещенных на сайте <https://books.google.pl>.

- 6) *Город Малые Закоулки* – «Да как ей не плакать, если нанятый стилист с помощью укладки, которая была супермодной в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году в городе Малые Закоулки, состарил невесту лет на десять» [Донцова, Бабки царя Соломона];
- 7) *Мухосранск* – «Выбирается молодой человек в Москву из провинции, неожиданно удачно начинает заниматься бизнесом, быстро богатеет. Потом подыскивает невесту из хорошей семьи, надо ее со своей матерью знакомить. Только маменька нашего богатея сидит в каком-нибудь Мухосранске, по уши в навозе» [Донцова, Покер с акулой].
- 8) *Зажопинск* – «Вижу, что понимаешь, – удовлетворенно констатировала женщина, – значит так, выздоравливай быстрее и сматывайся отсюда в свой Зажопинск. ... Нечего сопли распускать, – оборвала ее неизвестная дама, – лучше быть живой в Мухостранске, чем трупом в Москве» [Донцова, Дама с коготками];
- 9) *Глушь* – «Надо же, отъехала от столицы всего пару километров, а такое ощущение, будто забралась в невероятную глушь. Кажется, тут нет централизованного водоснабжения, повсюду торчат колонки и дощатые, выкрашенные темно-зеленой краской будки. Впрочем, похоже, и газ сюда забыли подвести, во всяком случае, возле дома, где я остановилась, виднелось два красных, высоких, толстых баллона [Донцова, Старуха Кристи отдыхает];
- 10) *Красная глушь* – «Что было делать моему однокурснику Гоше Плотникову, очень талантливому виолончелисту, из деревни названием Красная Глушь? ... Вот Плотников и женился по расчету на Кате Смородко, получил московскую прописку и остался вполне доволен» [Донцова, Брачный контракт Кентавра];
- 11) *Медвежья глушь* – «Где можно дураков найти, которые в медвежью глушь без бытовых условий поедут» [Донцова, В постели в Кинг-Конгом];
- 12) *Захолустье* – «...А тебе непременно надо поступить в институт в Москве, в нашем захолустье нет никаких перспектив» [Донцова, Легенда о трех мартышках].

Все перечисленные наименования населенных точек России в периферии характеризуются яркой эмоционально-оценочной окрашенностью. Презрительный оттенок значения в названиях местностей *Мухосранск* и *Зажопинск* заложен в их внутренней форме, наименований *Урюпинск* и *Тмутаракань* – в культурной традиции, в остальных случаях экспрессивность подчеркивается контекстом.

Среди ассоциативных наименований периферии отмечаем зафиксированный в словарях фразеологизм – *медвежий угол* ‘отдаленное, глухое малонаселенное место; захолустье’ [ФСРЯ 1986, 489]; фразеологизм, возникший путем контаминации – *медвежья глушь* (*медвежий угол* + *глушь*), фразеологический неологизм – у *Муньки за шиворотом*.

В каждом приведенном случае наименование местности приводится в контексте сравнения с Москвой: «Обычно для того, чтобы показаться в Москве, каждый клоун должен «обкататься» на периферии, опробовать репризы, клоунады» [НКРЯ, И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)].

Кроме «внешнего», периферия может приобретать статус «внутреннего» захолустья, к которому могут принадлежать отдаленные от центра, непрестижные районы Москвы – «Я получила скромную однушку в тогдашнем московском захолустье, на юго-западе столицы [Донцова, Шесть соток для Робинзона].

Москва (первопрестольная) по сравнению с периферией всегда приобретает статус «эталона», лучшего образца. При этом не имеет значения удаленность от Москвы, а ментальность жителей и их материальный статус: «Жизнь в столице имеет много хороших сторон. Здесь легче найти работу, чем в провинции, поступить в институт, попасть к хорошему врачу, снять удобную квартиру» [Донцова, Мыльная сказка Шахерезады]; «Хоть и недалеко от Москвы, да провинция» [Донцова, Стриптиз Жар-птицы]; «Заодно она Россию увидит, посмотрит, как народ в провинции живет, начнет ценить, что в Москве имеет» [Донцова, Лунатик исчезает в полночь].

Периферия понимается как отсталая в каждом аспекте (мода, техника, уровень жизни) территория по сравнению с Москвой: «Я, может, середину двадцатого века люблю, а ты меня в какую-то тмутаракань загоняешь» [Маринина, Благие намерения]; «Глухая провинция, предприятия закрываются, работы нет, откуда богатству взяться?» [Маринина, Ад].

Трудно привыкнуть к московской жизни наивным приезжим: «...Москва безжалостна к людям из провинции и никакой карьеры без дружеской помощи и огромных денег тут не сделать» [Донцова, Гарпия с пропеллером].

Только в Москве есть возможности сделать настоящую карьеру: «В детской голове мигом появляется простая мысль: нужно ехать в Москву, вот там у всех огромные возможности!» [Донцова, Фокус-покус от Василисы Ужасной].

Каждый житель провинции мечтает жить в Москве и готов поменять свою социальную стабильность в своем крохотном городке на любые условия жизни и работу в Москве: «Ты в провинции рос, не лезь в мегаполис, который и не таких как ты, в пыль перемалывал. Живи спокойно дома. Найдем тебе невесту, родятся дети – вот оно – настоящее счастье» [Донцова, Авоська с Алмазным фондом].

Но провинция имеет некоторые преимущества над столицей – доброжелательных и дружественных жителей: «Морша не Москва, – улыбнулась я, – в провинции люди более приветливы и дружелюбны, чем в столице» [Донцова, Фуа-гра из топора].

Кроме того, жизнь в провинции более безопасна, чем в преступном мегаполисе: «Каждую осень Дегтяров выпрашивает отпуск в сентябре

и на двадцать четыре дня отправляется в глушь, в такое место, где жители не запирают дома даже на ночь, потому что преступности в этом регионе просто нет» [Донцова, Бенефис мартовской кошки].

Характерное для русской языковой картины мира противопоставление провинции столице вызывает у россиян проживающих за границей культурный шок: «По жизни в России она твердо знала, что есть Москва и Питер, а все остальное – периферия, провинция, откуда в эти города ломятся лимитчики. Ей и в голову не приходило, что может быть и по-другому, что на Западе большие города отличаются от маленьких только размерами, а также шрифтом, которым их названия наносятся на географические карты. Уровень жизни и комфорта там всюду одинаков, плати деньги и получай, чего душа желает. Но к этой мысли нужно было еще привыкнуть, и первое время Веронику ужасно угнетало, что она покинула столицу, а оказалась чуть ли не в деревне» [Маринина, За все надо платить].

Москвичи относятся к приезжим неодобрительно: «Понаехали тут с периферии, всю Москву заплонили, пройти негде, чтобы ихнюю рожу не увидеть...» [Маринина, Смерть ради смерти]; «Стану я от чебурек замечания слушать! Понаехали сюда из аулов... Я коренная москвичка, с пропиской» [Донцова, Приданое лохматой обезьяны]; «Развелось вас в Москве, понаехали хрен знает откуда, теперь попрошайничаете...» [Донцова, Толстуха под прикрытием]. Глагол *понаехать* в таких контекстах приобрел фразеологизированное, насыщенное эмоциональностью и оценочностью значение.

В русской языковой картине мира концепту МОСКВА противопоставляется концепту ПЕРИФЕРИЯ. Эти концепты находятся на противоположных полюсах ценностей. При этом, кажется, невозможно существование в языковом сознании богатой, успешной, прогрессивной МОСКВЫ без существования отсталой, бедной, запущенной технически ПЕРИФЕРИИ. Характерные черты обоих концептов проявляются наиболее отчетливо при сопоставлении и, кажется, без сопоставления теряют свою значимость. Это своеобразная зависимость, которая не проявляется в других антонимичных парах концептов, например ДОБРО и ЗЛО [Богданова 2012] или БОГАТСТВО и БЕДНОСТЬ [Степина 2008].

Библиография:

- Березович Елена Л., Кривошапова Юлия А. 2014. *Образы Москвы в зеркале русского и иностранного языка. «География» Москвы.* «Quaestio Rossica» № 3: 159-183.
- Богданова Елена А. 2012. *Концепты «добро» и «зло» в русской и французской лингвокультурах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.* Майкоп.
- Карасик Владимир И. 1996а. *Этнокультурные типы институционального дискурса.* В: *Языковая личность: культурные концепты.* Волгоград-Архангельск.

- Карасик Владимир И. 1996б. *Культурные доминанты в языке*. В: *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград-Архангельск.
- Карасик Владимир И. 2004. *Языковой круг: Личность, концепты, дискурс*. Москва.
- Корнилов Олег А. 2003. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. Москва.
- Ожегов Сергей И., Шведова Наталья Ю. 2016. *Толковый словарь русского языка*. В: <http://ozhegov-online.ru/> [Доступ 14 IV 2016].
- Попова Зинаида Д., Стернин Иосиф А. 2003. *Язык и национальная картина мира*. Воронеж.
- РАС – Караулов Юрий Н., Черкасова Галина А., Уфимцева Наталья В., Сорокин Юрий А., Тарасов Евгений Ф. 2002. *Русский ассоциативный словарь*. Т. I: *От стимула к реакции*. Т. II: *От реакции к стимулу*. Москва: АСТ Астрель.
- СНС – *Словарь русских синонимов*. 2016. В: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary> [Доступ 14 IV 2016].
- Слышкин Геннадий Г. 1999. *Текстовая концептосфера и ее единицы*. В: *Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики*. Волгоград.
- Слышкин Геннадий Г. 2000а. *Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса)*. В: *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Волгоград.
- Слышкин Геннадий Г. 2000б. *От текста к символу Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. Москва.
- Степина Елена Г. 2008. *Концепты богатство и бедность в молодежном языковом сознании русских и англичан. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Саратов.
- Тер-Минасова Светлана Г. 2004. *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва.
- Уфимцева Наталья В. 2002. Взаимодействие культур и языков: теория и методология. В: *Встречи этнических культур в зеркале языка*. Ред. Нецименко Г.П. Москва: 152-170.
- ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка*. 1986. Ред. Молоткова А.И. Москва.

Summary

THE CONCEPTS OF MOSCOW AND THE PROVINCES IN THE RUSSIAN LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD (ON THE BASIS OF THE CRIME LITERATURE)

In the Russian linguistic image of the world the concepts of MOSCOW and THE PROVINCES constitute an opposition since they are placed on two distant value-related poles. It seems that in the linguistic awareness there is no rich modern Moscow in separation from the backwards, poor and civilizationally and mentally neglected provinces characterised by parochialism. The characteristic features of both concepts are most clearly visible in their juxtaposition, and without it they lose their meaning. This is a specific relationship which has not been observed in other antonymous pairs of concepts such as good and evil, or wealth and poverty.

Kontakt z Autorką:
joanaorzech@gmail.com